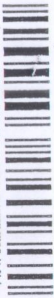

93206.

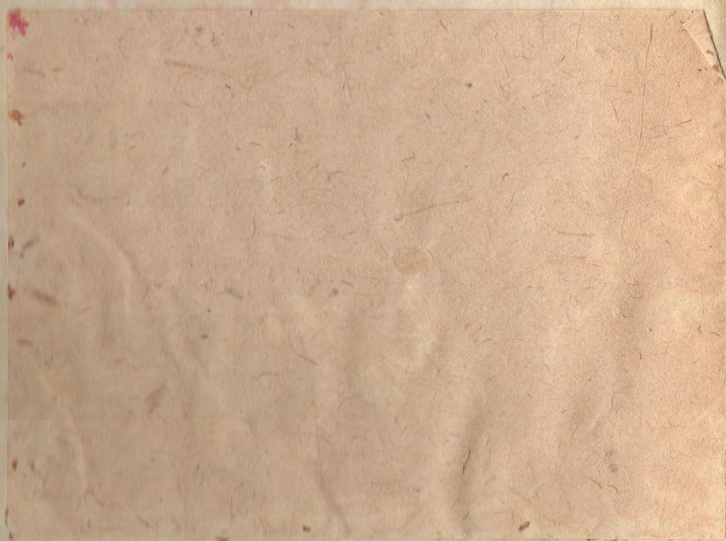
ОРАРБЕР, А.
ЧЕРНАЯ РОДИ-
НА.

V.N. Karazin Kharkiv National University

01094023

1

РОДИНА

ЧЕРНАЯ

АЛЕКСАНДР
ФАРБЕР

ГАРТ

АННО

А. ФАРБЕР

34

85

ЧЕРНАЯ РОДИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПРОЛЕТАРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
ХАРЬКОВ ГАРТ 1932

58. 64

438
Бібліографічний опис цього видання
вміщено в „Літописі Українського
Друку“ „Картковому репертуарі“ та
інших покажчиках Української Книж-
ової Палати

ДВОУ УПШ. 7 друк. ім. Фрунзе.

Харків, Дон.-Захарж., 6.

Укрголовліт 1468.

Прим. 2.000.

Зам. 206.

БЭЛЭ

НОВОГОДНЕЕ

Январь повязал
 вокруг шеи
 кашне
И вычесал крыши
 хрустящей гребенкой.
На город,
 на улицы, —
 падает снег,
Веселый и чистый,
 как голос ребенка.
Полвека назад
 это было точь в точь
(Снег
 не изменил
 ярко-белой окраски), —
Приветствуя
 новогоднюю ночь,

Бокалы
 шипели
 зеленым шампанским.
Срывались
 стаями
 стоны гитар,
И вальс
 сапогами и туфлями
 дрыгал.
И армия
 штатских
 и бравых гусар
Без виз
 и без паспорта
 «ездила в ригу»..
Ломились
 под тяжестью снеди
 стоны
(Обжорства и пьянки
 святая причина!),
Тупые и медленные,
 как волы,
Отрыжкой давясь,
 восседали
 кучины.
Для водки
 все поводы
 хороши!
... И пальцами
 пухлыми,
 точно сосиски,
На утро
 считала
 свои барыши

Россия
Морозовых
и Рябушинских.
Гудели
московские колокола.
На дугах
позванивали
колокольчики.
Лабазная
грузная
полночь
плыла,
И в лица
впивался
мороз игольчатый.
На грубом меху
казацких папах
Искрилось
январьское
белое золото.
И таякали
гнутые сабли
рубак,
Врезаясь
в окраины
гнева и голода.
... Довольно!
Расхристанная страна
Построилась
твердой шеренгой
заводов.
Вчера —
для Сегодня
уже старина.

Идут в наступление
октябрьские годы.
Тринадцать годов
как тринадцать полков,
Тринадцать ударов
граненных штыков,
Тринадцать
крутых
сокрушающих залпов.
На Север,
на Юг,
на Восток
на Запад!
Ты,
ночь новогодняя!
Не за вином
Твое появление
мы отмечаем,—
Над книгой,
над планом,
за громким станком,
За крепкой работой
железа с огнем,
Наборщика с шрифтом,
шахтера с углем,
И за прозаической
чашкою чая.
Иная повадка,
иная закалка.
Мы знаем,
что в близкой
смертельной борьбе
Нужны будут
руки—железные балки,

Негнушийся
Индустриальный хребет!
Боец,
вырабатывай
силу и меткость!
Рождаемой песни
вздымайся, запев!
Республика
строит,
и фронт
пятилетки
Пролет
от цехов
до ЦК ВКП.

31-ХП 1930 г.

МОЯ БИОГРАФИЯ

(Заявление в парт'ячейку рудника № 3 от забойщика Артамонова)

В окна
ломались
кирпичные трубы,
И зори
румянились вдалеке,
Когда я родился
в шахтерской халупе
На тощем
соломенном тюфяке.
Губы у матери
корчились в стоне,
Волосы
пепельной пеной
росли.
Так я родился —

Иван Артамонов

В зорный

предутренний

яркий разлив.

Детство мое!

Будь ты проклято

трижды —

С жалкой мечтой

о безбрежьи морей!

Мать и отец

надрывались,

лишь бы

С голоду

с сыном

не умереть.

И мальчишкой

двенадцатилетним

Я познакомился

с шахтной клетью.

Жутким

казался

вначале

квершлаг...

Позже

боязнь моя

прошла.

И, пробираясь

по штрекам,

«шахтерки»,

Сжав за крючки,

я забойщикам нес,

Быстро смирившийся

с участью горькой

Двенадцатилетний лампонос.

Дни,
как отец мой пьяный,
качались.
Робкая радость
сменялась печалью.
В двадцать лет,
под слезы
родных,
Провожаемый
детворой,
В зябком
марше
шагающих
рот
Я
надолго
покинул
рудник,
Уезжая
на фронт....
Сотни закатов
и сотни агоний.
Ночи
в храпящем
солдатском вагоне.
Позже:
парад,
и молебн,
и поп.
Мне приказали, —
влез я
в окоп.
Ливень снарядов
гудел и аелся.

Мне приказали:

«Пометче целься!»

И, открывая

от грохота

рот,

Я нажимал

курок.

Медный огонь

вылетал

из дула,

А из затвора —

рыжий патрон.

И за месяц

меня продуло

Сорок

тысяч

степных

ветров.

Был я

австрийцами

ранен дважды.

Трижды

я умирал

от жажды.

Я

Глаза свои

карие

стер

О белизну

лазаретных сестер.

Что там описывать...

Видывал виды.

Стал
в заключение
инвалидом.

Доктор
сказал мне:
«Хром...
инвалид.

С фронта,
служивый,
в тыл вали!»

Выдали мне
ради глупой чести

Тонкий,
солдатский
егорьевский крестик.

Что ж...
Через год
я вернулся домой

Злой,
отставной
и вдобавок
хромой.

Старая мать
заслезила глаза.

Старый отец мой
с сердцем сказал:

«В душу,
в три господа,
в кости их мать!

Так
молодого парнишку
сломать“...

Я ж
злость, как винтовку,
держал на изготовку;
плевать, что мне жизнь об'явила
расчет.

Тут грохнул,
как выстрел
из двенадцатидюймовки,

1917 год...

Я ожил
и к шахтовладельцу-французу
Вломился
с шахтерами в дом.

Француз
запирал
в пиджак свое пузо

И сразу
стал
как будто худой.

«Мосье,
— я сказал ему,
— хватит здесь
греть

У теплых каминов
жирную задницу.

Не вводите
меня и товарищей
в грех:

Теперь,
будто яблоки,
головы катятся.

Ну, словом,
валитесь к себе
в заграницу!

Видите,

штык

на солнце

гранится.

Спешите,

а то, неровен час,

Он может

у вас

сквозь пиджак

торчать.

О шахте

забудьте:

хозяин ей —

мы».

Французик

от нас —

как от черной чумы.

А дальше,

товарищи,

надо ль описывать?

Когда

генерал

Май-Маевский

пришел,

На руднике

выстроил

мельницы виселиц:

Ими

хотел

нас смолоть в порошок..

Он гнал нас

в забор

долбить ему уголь

Для белогвардейских
бронепоездов...
Но мы не сдавались.
Было нам
туго,
Но радостно
с пятиконечной звездой.
Когда ж
эту шваль
мы прогнали из рудника,
Костлявою гостьей—
другая беда...
И мы
голодали,
и было нам
трудненько...
Минули
шершавые эти
года.
Шахтеры
не сдрефили.
Восстановительный
Вставал.
Наша воля
все превозмогла.
Вы помните:
клеть
на «здание»
вытянула
Первый
вагончик
угля.
А после
пошел
террикон расти.

Не дом,
загляденье поставили им—
Двухэтажный
Горпромуч.
В забой,
где труд наш несладкий
залег,
Где раньше
долбили
киркой уголек
До пятого
пота,
а то
и с прохладцей,
Пришла
большевистская
механизация.
Чтоб даром
не тратился
мускул руки,
Сменили
кирку,
старушку беззубую,
На флотмановские
молотки,
На стадо
железных врубков.
.. Вползает
врубковка
в забой
И нас
уводит за собой,

Грызи,
грызи,
стальной зубок,
Пласта
ковригу черную!
Иди вперед,
мы за тобой,
Ударные,
упорные.
... Ночь
за ночью,
день за днем,
Долбим
пласты,
говорим об одном:
«Домны ждут,
Мартены ждут.
Врывайся
в забой,
ударный труд!
Страна приказала
пласты крушить
Атакою
умных
и мощных машин».
... Каждый из нас
это знает
на ять...
И мне б
не пришлось
это все повторять.
Когда б
не грызла
забота:

А как же
мы стали
работать?!
В шахту,
лазейку
себе прорыв,
«Шахтеркой»
прикрывшись удачно,
Проник,
в промфинплане
ширя прорыв,
Лодырь,
рвач,
подкулачник.
Он врубовку портит,
он кабели рвет,
Он сплетней
ударность
губит,
Оскалив
на шахту
клыкастый рот...
Но мы ему
вышибем зубы.
От слова —
к делу.
Добьем врага
Стальным кулаком
ударных бригад.
Прорыв
скоро станет
покойником...
Тому
порукой
моя рука

и мой молоток отбойный.

Я был

до сих пор

беспартийным шахтером,

Но с партией

в ногу—

и в радость,

и в горе.

И вот,

парт'ячейка,

меня принимай...

Не думай:

«лишь мастер

красиво трепаться»...

Свое задание

за месяц май

Я выполнил на 120.

ЧЕРНЫЙ ХЛЕБ

I

Вы слышите? Тысячи рук,
Взвивают напористый стук.
И рушатся, не устав,
Умноженные недаром,
По угольным пластам
Неистовые удары.

II

Черный хлеб, черный хлеб, черный, черный!
Тысячи пудов, миллионы тонн, больше, больше —
Для голодных топок, для воспаленного горла,
горна.

Руби его, бей его, кромсай его, забойщик!
Наш Донбасс, наша черная родина,
Никому, никому не продана.
Нам она отдана!

Тверже ступай, нога,
Крепче хватай, рука,
Рвись под напором бригад,
Угольная река!

III

Ледокол разрезает тяжелым килем
Полярные льды, морские мили.
И над ним, завиваясь чубом седым,
Повисает в воздухе дым.
Черный хлеб из забоев Донбасса!
Оставляя республики и километры,
Скорый поезд летит, соревнуясь с ветром.
И за ним, завиваясь чубом седым,
Повисает в воздухе дым.
Черный хлеб из забоев Донбасса!
Утро сильным гудком на работу зовет,
И симфонией шумов грохочет завод.
И над ним, завиваясь чубом седым,
Повисает в воздухе дым.
Черный хлеб из забоев Донбасса!

IV

Взрывая «шахтерками» темь,
Устроим упорство руки.
Берите ударный темп,
Отбойные молотки!
Чтоб падали, не устав,
Умноженные недаром,
По угольным пластиам
Неистовые удары.

ОГОНЬ

Скатилося каленое солнце, остыв,
Но ярки аккумуляторы глаз.
В земле залегли крутые пласты
Поющего об индустрии угля.
Тяжелое кайло затекшей рукой
Сжимая, забойщик встает пред тобой.
Чем выше над шахтой растет террикон,
Тем шире и глубже угрюмый забой.
Сквозь узкие штреки щербиновских шахт
Идет обушков нарастающий стук,
И каждый у недр отвоеванный шаг
В угле образует высокий уступ.
Чернеет ствола бесконечный обрыв,
И клеть „на горá“ молчаливо идет;
Ободранные, как бродяги, копры
Врываются в лирику синих высот.
А в шахте упрямые глыбы пород

Сквозь крепь выпирают вперед и вперед
И морщат свои тугодумные лбы,
Которые надо долбить и долбить.
Пусть кровь запеклась на шахтерских губах,
Пусть потом дымятся брезенты рубах,—
Шахтерская цель тяжела и проста:
Пробиться сквозь камни к богатым пластам.
Врезайся же, кайло, в чернеющий пласт!
Он должен углем обвалиться и пасть,
Чтоб рвался по топкам лиловой дугой
Поющий и животворящий огонь!

1929-30 г.

УЧАСТОК № 18 — 300

Ничем не отличался этот вечер
От тысячи подобных вечеров.
Неясною тревогою отмечен
Спускался в шахту техник Бочаров.
Шумела клеть, и пол ее был шаток,
И розово светил аккумулятор,
Потели пальцы, врезавшись в крючок,
Звучал квершлаг сухим цементным хрустом,
Но доказал лебедчика искусство
Клетки остановившейся толчок.
Шурша во мгле шахтеркой холстяной,
Глядя на крепь, он шел привычным шагом,
И коридор широкого квершлага
Кривился чуть покатою стеной.
Пыльда угля уже легла у век.
Как штопор, в бок стены ворвался штрек,
И воздух, что меж узких стен нагрелся,

Обдал его. В грязи мелькнули рельсы,
Разбитые колодки черных шпал
И по бокам кривых столбов толпа.
До слуха долетело эхо стука.
И, пробежав сквозь лабиринт ходков,
Спустился техник в черноту уступов,
В неистовство отбойных молотков.
... А ведь совсем недавно обушками
Шахтер врубался в этот черный камень.
Холодным потом исходил и крыл
В три господа проклятую судьбину.
И прилипали, пухлы и мокры,
Холсты рубах к сутулящимся спинам.
И вместо пота ринулся неистов
В пласты участка 18 — 300,
Другие номера опередив,
Упорный воздух, чтобы победить.
То силой медленной сочась, как вол,
То хвастая повадкою разбойной,
Он в наступленье на пласты повел
Стальные сверла молотков отбойных.
Те дни! Их каждый долго будет помнить...
Товарищи, наш уголь нужен домнам!
Ребята, на «коньке» не выезжать!
Привычке к кайлу никаких уступок!
И, как приказ и лозунг, «поднажать»
Передавалось глухо по уступам.
И змейкой проползала к брови бровь.
Сталь молотков сжимали крепче пальцы.
С забойщиками в делике копался
Всю ночь до смены техник Бочаров.
И вот, когда горящие пласты
Заря на твердом небе обнажила,
От молотков резиновые жилы

Отпали, и - отбойный стук застыл.
Болели руки, ныло в позвонках,
И плечи гнулись тяжестью бетонной,
Но в вагонетки сыпалась, звонка,
Песнь молотков добычей многотонной.
... Сквозь мглу воспоминаний Бочаров
Не устает почти влюбленно слушать
Песнь, приводящую в смятенье кровь,
Волнующую технику душу.
Он слышит, как хрустит под сталью уголь,
Он видит, как железные шмели
Звенят, врезаясь медленно и туго
В заветные сокровища земли.

Северный рудник. 1929 г.

КРИВАЯ ПОБЕДЫ

В твою нелюдимую ночь я вхожу,
И черная пыль оседает на веки.
Ослепшие лошади ласково ржут,
Гремя и грома вагонетками штреки.
Летит, улюлюкая, коногон.
Он скорчился весь и к углу пригнулся.
Колеса из рельс вышибают огонь,
И кровь, как метан, набухает у пульса.
Я шушаю кровлю. Кровля крепка.
Стойко уперлись упрямые стойки.
По влажной породе скользит рука,
Попавшая все-таки в эти строки.
Две тысячи метров земли надо мной,
Спрессованные тысячелетьями туги.
Глаза хоть выколи, всюду темно.
Где ты лежишь, притаившийся уголь?
Я все равно отыщу тебя.

Меня, как Шубина, ты не погубишь!
Только неопытных, глупых ребят
Ты испугаешь сказкой о Шубине.
Я знаю повадки твои наизусть.
Кайло просит хрустящего хлеба.
Меня отсюда не выгонит грусть
О голубином и девственном небе...
Стой! Я нашел тебя, хитрый пласт.
Ты по-домашнему здесь разлегся.
... В доменной башни багровую пасть
Падают бурые комья кокса.
Брызжет огонь. Взрывается гул,
Бегут горновые от выбитой летки,
К плотным изложницам рвется чугун —
Знойная, черная кровь пятилетки.
А под землею поют листы
Неугомонных, как юность, конвейеров.
Врубовки роют кротоми пласты,
Крепильщики стойки вбивают уверенно.
Штреки, как змеи, ползут вперед.
Злобно врываются в недра, забой.
Глея над рудником выше растет.
Мне хорошо и легко дышать.
Стих мой, гуди оркестровую медью!
Черная родина домен и шахт
Поднимает кривую победы.

ДНИ И КНИГИ

Я в детстве мечтал об открытии Америк,
О небе, цветущем цветочною клумбой.
Мне спать не давали ночные химеры
И славная тень Христофора Колумба.
О книги, вы столько обманов таите!
Багровое солнце, летевшее диском,
Меня уносило на остров Таити.
Я дважды тонул в океане Индийском.
Исполнен печали, крещенный тоскою,
Я в старом Мадриде подделывал деньги.
И после, влюбившись в Вальтера Скотта,
Гремел благородным и храбрым Айвенго.
Менялись пейзажи, картины и рамы.
На окнах годов поднимались шторы.
И вот я—аббат и гуляка Арамис,
Один из прославленных трех мушкетеров.
Я всем угрожаю шпагой картонной,

И мнимо-кастильской сталью стилета.
И детство мое безрассудное тонет
Средь вечных дуэлей на пистолетах.
Одна за другой перечитаны книги,
Изведано все: африканские джунгли,
Пиратские шхуны, разбойничьи бригады,
И службы, от штурмана до юнги.
Трепали меня лихорадки и штормы.
Давно мне знакомы атаки и штормы.
Носил я морскую и штатскую форму,
Бывал в отвратительных трюмах и тюрьмах.
Седеют на полках Джек Лондон и Купер,
Луи Бусенар стал ненужным балластом,
Подобьем усов топорщатся губы,
Но я, как и в детстве, остался фантастом.
Но вместо Айвенго, потомка норманов,
Уснувшего в книгах, лежащих горою,
Встают из газет, из поэм, из романов
Иная эпоха, иные герои...
Дешевая прелесть красивых обманов,
Пусть прошлое в тине твоей утопает!
Над картой Урала склонился Фурманов,
И в комнатной тьме возникает Чапаев.
Встают молодые могилы Триполья.
Луна истекает расплавленным воском.
Арктической ночью на Северный полюс
Стремится никем не воспетый Чухновский.
Снега зажигают лиловое пламя,
Борта ледокола покрыв и украсив.
И, носом круша ледяные Монбланы,
В медвежьих владенья врывается «Красин».
А там, позади самоеды и юрты.
О, где вы, щиты и мечи боевые?!
Герои—в тулупах и кожаных куртках

И носят пенсне и очки роговые.
Так спи же, Айвенго, потомок норманов,
В пропыленных книгах, лежащих горой.
Встают из газет, из поэм, из романов,
Иная эпоха, иные герои!

Чухлинка. 1929 г.

ПРИКАЗ КОМАНДАРМА

(Повесть о начальнике бронепоезда «Свобода»
Бондареве).

ВСТУПЛЕНИЕ

Ты шел сквозь донецкую ржавую осень,
Для тебя были дни коротки.
А я семилетним молокососом
Играл, может быть, в городки.
Ты, сбросив с себя остаток одежды,
Как раненный волк, бежал по степи,
А я уплывал к Мысу Доброй Надежды,
И сон с меня маску лепил.
И даже когда под страхом расстрела
Ты стыл пред начдивской грозой,
Я вырезал деревянные стрелы,
Как мой любимец Крузо.
И мне осталось, как в осень саду,

Читать облетевших деревьев вязь.
Но память берет тебя долгой осадой,
Герой, позабывший приказ.

Часть I

I

Вытянули рельсы серебряный пояс.
Ночь подошла на двухсотой версте.
Бронированное тело доволоков бронепоезд
До леска и застрял, проклиная степь.
Позади мосты, взлетевшие в воздух.
Впереди, продрогшей тишине внемля,
Залегла, как зверь, неведомая земля
И надо всем дурачки подмигивающие звезды.
Разношерстный лесок. Полуголые ветви.
Донецкая осень. И, сколько ни жги
Просмоленную паклю, набрасывается ветер,
И снова впереди не видать ни зги.
Но приходится вдуматься в довод веский.
На учете час, минута, миг.
С Юзовки наступает генерал Май-Маевский
С озверевшими от отступлений людьми.
Растревоженный Бондарев, в доводах роясь:
Очень нужен и дорог нам бронепоезд
(Мысли о нем любимой нежней),
Но проклятые доводы вертятся роєм,
Говоря, что бывает порою
Бронепоезд взорвать нужней.
Он руку просунул за куртку, к груди:
Не стихнет болезненный жар мой,
Покамест, как сердце второе, гудит
Секретный пакет командарма!
Замешана здесь военная честь.

СОн должен добраться к начдиву 6.
А в этом безлюдьи тревожных ночей
наконец случиться все может.
Не долгое дело — открыть, прочесть,
Запомнить и уничтожить.
«Потихонечку вылезайте, хлопцы!
Лугин! Чего ты икаешь, как кнур?
Кто там, как на посиделках, топчется?
Бикфордов шнур... бикфордов шнур...
Патронные сумки, холодные дула,
Штыки, сверкнувшие за плечами.
От черной брони незаметно подуло
Выдуманной железной печалью.
Рыжий огонек... Бикфордов шнур...
Не гаждите, товарищи! Тише надо!

.....
Бронепоезд «Свобода» взлетел в вышину,
И упала на двадцать ушедших вышина.

II

И когда уже ни одного патрона не
осталось

И ни одного живого товарища вблизи,
Бондарев почувствовал хлипкую усталость
И гремящую последними минутами жизнь.
Обида застряла, как в горле кость.
Не выхаркнуть сразу!
Шли в темноте и навалились на белый

пост

И кровь замесили с осенней грязью.
Ручной пулемет — железный мертвец.
Выплюнут весь свинец.
Хорошее оружие,
Ну, а теперь к чему же он?!

Сердце птицей к горлу рванулось...
Кровь на щеки румянцем аленьким...
Рука под ремнем прощупала дуло,
Плотное дуло браунинга.
Мысли — как ноги бегущих коней...
Ну, Бондарев, держись!
Ты уже думал: крышка, конец, —
А оказывается: жизнь!
Если не прикончат сейчас, по дороге,
Если не заскребут по земле
В последних судорогах длинные ноги,
Тогда еще не кончился счет твоих лет...
И жизнь распадалась на тысячи кусков
И вновь сосредотачивалась на самом
 маленьком,
На спрятанном за брюками, на зажатом
 пояском,
На вдавившемся в тело браунинге.
Полуголые деревья,
Мазанные хаты, —
Начинается деревня,
Тишиной брюхатая.
Все калитки на запоре,
Окна позавешаны.
На воротах у забора
Болтается повешенный.

III

Человек бежал, спотыкаясь и падая,
Вставая, спотыкаясь и падая опять,
Задыхаясь, как ветер погони, храпя,
И бежала за ним луна шербатая.
И вязкая почва осенней степи,
И сырость, уже просквозившая в теле,

И воздух, который туманом слепил,
Казалось, почвакивали и шинели:
«Не уйдешь от нас, не уйдешь.
Кто ты: вор, большевик, бродяга?!

Мы грязью прилипнем к мельканью подошв,
Мы тьмою обступим и бросим в овраги.
Напрасно зашелкнулся выгиб курка.
Тебе все равно никуда не деться.
Куда ни сунешься, всюду рука
Тобой застреленного белогвардейца.
Ты опоздаешь приказ принести.
Тебе не видать Начдива 6».

И облака над головою, что кони.
И явственно слышится мчанье погони.

Догонят!..

Догонят!!

Догонят!!!

Догонят!!!

Дого...

И, останавливаясь на бегу,
Бондарев сбрасывал шапку, ботинки, куртку...
И бежал, твердя на каждом шагу,
«Юрка, Юрка, Юрка, Юрка».

Это было имя маленького сынишки,
Совершенно нелепо всплывшее в памяти.
Оно мешало спокойно ногам идти,
Колотило по сердцу, давило одышкой.

И только увидев огни костров,
И, вечер, их пламенем убранный,
И красное полотнище, пылавшее пестро,
И надвое лесок разрубленный
И услышав окрик часового «Стой»
И сверкнувшую в разум, как солнце,
Подпрыгивающую песню буденовцев,

Он рухнул, как столб, на какой-то кусток,
Выхрипев: «Начдива».

Часть II

I

У входа в палатку раскачивался шест,
И на нем полотнище яростно красное.
На ящике сидел Начдив 6
Никита Семенович Яснев.
Перед ним на широком суковатом чурбане,
Повидимому, заменявшем стол,
Тревожно молчало важное собрание
Депеш, донесений, листов.
Глаза его были воспалены,
Ресницы летели конницей,
У черных предглазий толпились сны,
Сокращенные бессонницей.
Вторая неделя—в казачьем седле,
Подпрыгивающем, как песня,
Плюс шестерка тревожных лет,
Так, что дышать тесно.
Но Яснев, разве смеет Яснев устать,
Когда время летит, как погоня?
Когда все товарищи стоят на постах,
Когда ждет дивизия команды «по коням»...
Врагу незаметно зашли в тыл
И шашки не вытащили едва.
Но летчик привез приказ, острый, как штык,
«Наступление приостановить. Командарм 2».
Четыре бессонницы, Пятые сутки. Пятый
рассвет.
Солнце сочится бледно и реденько...
Яснев вдруг подумал: в Москве

Осенняя ночь растеряла все звезды над
Сретенкой.

И вот из-за Сухаревой заря поднимается
просто...

Ему так знакома была от почтамта до башни
дорога.

Но сердце, но мозг раз'едает, как паршивая
короста.

Мучительная, как бессонница, тревога.

От командарма пятые сутки ни звука.

В дивизии брожение: «устали ждать»...

Надо решиться... кулаками руки

По чурбану ответ — УДАР!

УДАР!

Барабанная дробь...

УДАР!

Пулемета сухое шелканье...

... Но пред Ясневым встал пожилой командарм

С глазами похожими на замочные щелчки.

УДАР!

Налететь на врага лавиной...

Лоб раздумьем... в морщинной резьбе.

Дивизия начала свой славный разбег

И остановилась на половине...

Но, если приказывает командарм,

Он знает, что делает... Ему виднее...

Барабанная дробь...

УДАР!

УДАР!

Но «нет».

Но «ждать»...

Но тоска,

Но небо решительно бледнеет.

Он в раздумьи встал, набил махоркой трубку

И под мышкой ожесточенно почесал.
Но где-то близко земля затрещала хрупко,
И выросли голоса.

II

Вестовой, отвернув полотнище палатки,
Ввел человека, шедшего шатко.
Он был босиком... Его голые ноги
Краснели от царапин об иглы куста...
В зрачки набилась бежавшая дорога.
Человек, как видно, устал.
И, грузно уронив свое тело,
Он примял валявшийся на земле кожух,
А вестовой, вдруг почувствовав щекочущую
жуть,

Сказал: «Товарищ начдив, у него к вам дело».
И увидев, как веки начдива взлетели,
Резко себя повернул в обкрут
И вышел, втянув под шинелью грудь.
А человек, отдышавшись, поднялся и бодро
Сказал, как выстрелил, как «а-а, два»:
«Я — начальник бронепоезда «Свобода», Бондарев...
Принес вам приказ от командарма 2».

— Приказ?... От командарма?!

А где же приказ?!

«Я его передам вам сейчас...»

— А где же бронепоезд?

«Взорван под Щебенкой...»

Ну, словом, попались, как кур во щи!..

Убиты все товарищи»...

И Бондарев заплакал горше ребенка.

Он только сейчас осознал целиком

Весь ужас с ним происшедшего

И то, как он бежал босиком

Со скоростью сумасшедшей.
И вспомнил еще, что приказ командарма ¹⁾
Он позабыл и не помнит... и даром
Погибли бронепоезд и большевики.
Девятнадцать человек полегло костями...
Погибнет дивизия... И это факт!..
Не взвиться алому коммунистическому стягу
В бравурном марше свистящих фанфар!

.....
Он тихо ответил Начдиву 6:
«Приказ командарма мной уничтожен..
Я не мог рисковать и с собою несть..
Я запомнил его..
— Ну, так что же?
Говорите!.. Дивизия ждать устала..
Шашки сами просятся рубить..
И глаза начдива стали сталью,
Но Бондарев вышентал: «Я приказ забыл..

II

Это была самая страшная пауза.
Стало слышно, как у Яснева что-то в животе
заурчало... И рраз!..
Он рванул набок и вытащил маузер.
Два!.. Крикнул: — Приказываю вам немедленно
вспомнить приказ!
Как вы смели забыть его? Да знаете ли вы,
Что от вашей дырявой памяти зависит
Не Яснев и Бондарев, не две головы,
А судьбы революции и сотен тысяч!
Да я сейчас застрелю тебя, как собаку!—
Он в бешенстве внезапно перешел на «ты»

¹⁾ (Читай стихи с 23 строки)

И отборным матом как из маузера бабахнув,
Выплюнул:—«Большевик еще!.. Стыд!»

А Бондарев хранил в своей голове
Не имя какой-нибудь Ольги или Тани
(Нет! Это был не такой человек!)

А телеграфные слова военной тайны.
Ее, эту тайну во что бы то ни стало
Надо было пронести,

Прорываясь сквозь версты степями,
мостами,

Через белую территорию к начдиву 6.

Он ее затвердил наизуст, как стихи.

Он, как клятву, ее про себя произнес.

Командарм приказал, значит, все—пустяки,

Значит, надо прорваться, как ветер
сквозной.

И прорвался... Сквозь плен, сквозь убийства,
сквозь ночь,

Сквозь туманов и слякоти осеннее изобилие,

Чтобы рухнуть в палатке у кавалерийских
ног

Начдива 6, шепча: «позабыл я»...

Как он смел забыть?.. В голове пустота,

Кружится оранжевый хаос.

В груди мотора электрическая частота,

А он стоит, задыхаясь.

Как он смел забыть? Этот дикий бег,

Но товарищи, но девятнадцать трупов

Требуют:

— ВСПОМНИ!

Кричат:

— ГОВОРИ!

Их червяками расплзшиеся губы,

Рождают крик:

— ГОВОРИ!

— ГОВОРИ!

Но память — как пустая пулеметная лента.
Зияют дырки для меди патронов.
Бронепоезд кажется уже легендой,
Вознесшей над убитыми свой сказочный трон.
И откуда-то, будто совсем издалека,
Врывается в раковины ушей,
Как моря осатаневший рокот,
Голос начдива 6:

— ВСПОМНИ! Хотя бы «ждать или уходить»

Или, быть может, «итти в наступление?!» —

И Никита Семенович Яснев, начдив,

Уже входил в иступление.

ВСПОМНИ!..

И маузера синеватое дуло,

Поднятое кверху, огнем сверкнуло.

И на выстрел в палатку ворвались двое,

Напуганных из конвоя.

Но Яснев успокоил. И они вышли.

Каждый подумал: «странно»...

Но дальше вспоминать уже было немислимо.

И Бондарева обожгло, как ударом кулачища

в рану:

«Приказ!.. Приказ!.. Порвал бумагу я...

Но ведь есть еще на плечах голова?!»

Проклятая голова!»

И ярко, и громко, как вспышка магния,

Озарили память слова.

И губы закричали начдиву в лицо,

И слова полетели раскаленным свинцом:

«ПРЕДЫДУЩИЙ ПРИКАЗ ОТМЕНЯЕТСЯ. ОН

БЫЛ ПОСЛАН НЕ МНОЙ, А ВОЕНСПЕЦОМ

ХИТРОВЫМ,

КОТОРЫЙ СЕГОДНЯ РАССТРЕЛЯН.
МЫ ПОНЕСЛИ БОЛЬШОЙ УРОН
В БОЮ ПОД МАРИУПОЛЕМ 2-го,
ПОЭТОМУ НАСТУПАЙТЕ БЫСТРЕЕ!»

IV

Он его затвердил наизуст, как стихи.
Он, как клятву, его про себя произнес,
И сверкнули в ответ граненные штыки,
И он с ними унесся, как ветер сквозной.

V

По полкам, по бригадам, по ротам
Разнеслась, резанув разворотом,
(Две кости и череп скрестив на погонах)
Стремительная, как погоня,
Команда:

«Стройся!

Равняйся!

По коням!»

.....

Часть III

I

Преодо мной сидел ширококостый человек.
Лидо у него было, как музыка, ясное.
Вспомни, и по дрожанию век,
Узнаешь Никиту Семеныча Яснева.
На его широком, крутом боку
Не болтался маузер в желтом футляре:
Скорый поезд уже отбежал от Баку,
В женственном трепете лунных марев.
На лапах кошачьих ночь качалась,

Колеса стучали:

Та

ра

бо...

Та

ра

бо...

Та

ра

бо...

Но это одновременно звучало:

Ра

бо

та.

Ра

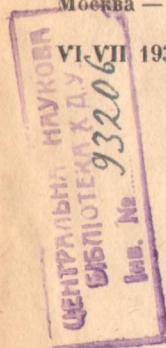
бо

та.

РАБОТА.

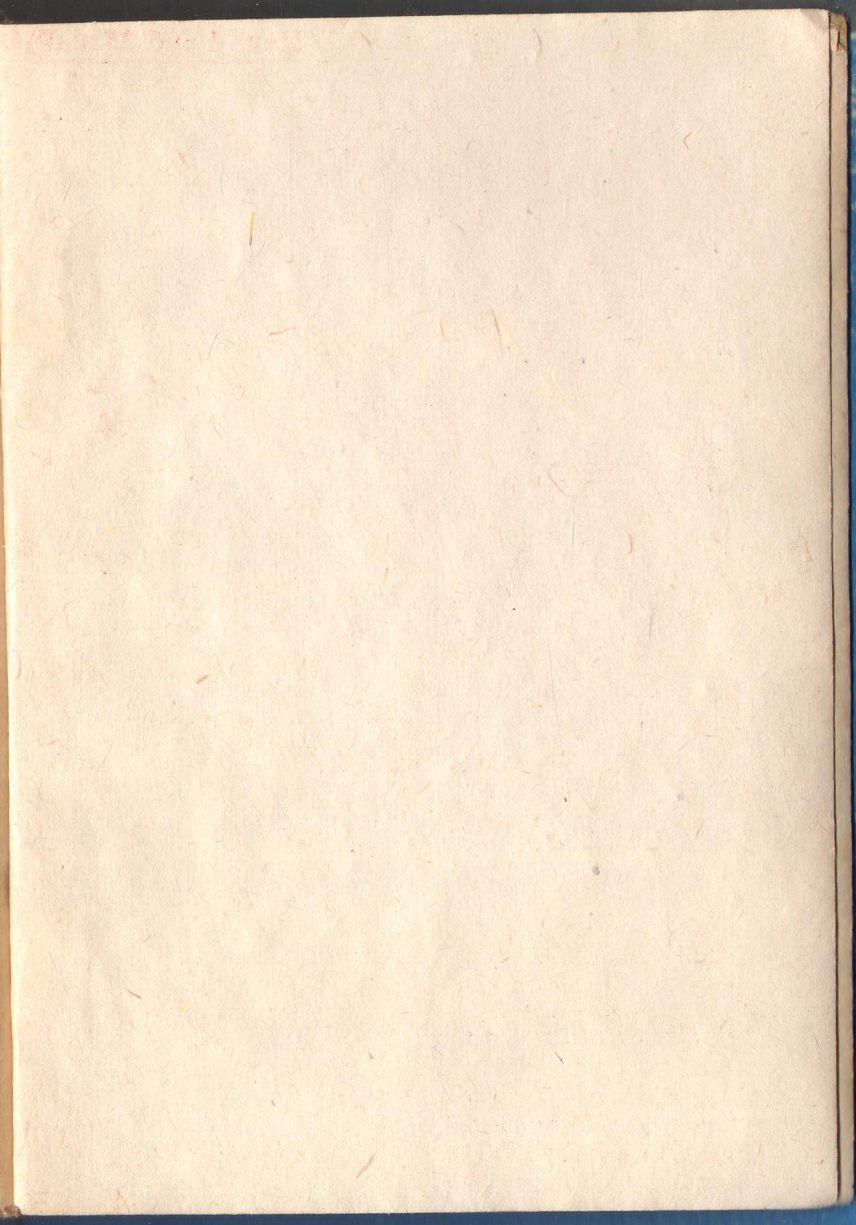
Так кончается содержание повести,
Рассказанной бывшим начдивом в поезде
Случившемуся соседу по койке.

Москва — Донбасс.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Новогоднее	5
Моя биография	10
Черный хлеб	23
Огонь	25
Участок № 18—300	27
Кривая победы	30
Дни и книги	32
Приказ командарма	35

4151

Редактор В. Кузьміч
Тех. керівник Г. Дубовий
В книжці 1 $\frac{1}{2}$ др. арк.
Друк. знак. 60.000
Формат 72×105 рояльний
Здано до набору 10-VI
Підписано до друку 25-VI

